Военная машина Легиона пришла в движение. Воины Бездны, Легион, в течение тысячи лет были в постоянном состоянии войны. Борьба против Подземелья не завершилась с Катаклизмом, она едва ли изменилась, и за всё это время они стали очень хороши в том, чем занимались. Этот механизм сейчас был в руках Титуса, и он с точностью и уверенностью направлял его для исполнения своих целей. Моррелия же со своей стороны с нарастающим ужасом наблюдала, как её отец все крепче сжимал петлю вокруг шеи Колонии. В её сердце назревала буря, пока затягивалось противостояние, и она ощущала, как её эмоции вскипали до грани взрыва, не имея никакого представления о том, что будет позднее.

Она наконец-то воссоединилась со своим отцом, со своей матерью. Боль и страдания, что она чувствовала после смерти её брата, наконец начали ослабевать. Даже во время её бунта против своей семьи и Легиона, у неё была надежда на это ощущение урегулирования. У неё появились ответы, которые она жаждала так долго. Снова оказавшись на своём месте среди семьи, с которой она выросла, не только её родителей, но и армии, в которой они служили, возникло чувство возвращения домой. Она снова ощущала себя цельной, больше не обозлённой на мир, пока её гнев некуда было направлять.

Но теперь суровая реальность отняла это спокойствие. В то время как однажды она была убеждена, что убивать монстров всегда будет верным решением, сейчас она уже не была так уверена. В её глазах Колония не причинила никакого вреда, однако сделала так много всего хорошего. Она защитила жизни беженцев Лирии, когда сам Легион претерпел неудачу в этом. Она не только спасла жизни этих людей, она посодействовала им, она помогла прийти к процветанию, когда обычные монстры лишь убивали и съедали. Это было тем, что вызывало вечное сомнение в её понимании монстров и Подземелья на фундаментальном уровне, однако сейчас она стояла на грани участия в наступлении, чтобы убить этих самых спасителей.

Это было неправильно. Это не могло быть правильно. У неё оставался лишь один вопрос, требующий ответа, пожелает ли она отбросить всё приобретённое, чтобы отстоять верное суждение. Пока что у неё не было ответа на этот вопрос, однако времени становилось всё меньше. Давление внутри неё нарастало до такой степени, что она боялась двинуться, дабы не взорваться и не высказать всё перед теми, кто был ей дорог. И вот покорная Моррелия проверяла свои доспехи, снова подчинившись знакомому порядку. Лагерь Легиона был перемещён вперёд в течении прошлого дня с помощью прибывшего подкрепления. Менее чем в часе ходьбы их ждало огромное гнездо Колонии. Титус дал указ о наступлении и проинформировал свою стражу о том, что лично будет участвовать в атаке. Ей мало что оставалось, кроме как готовиться к выходу. Отчаянно желая убежать от своих предательских мыслей, она была лишь счастлива заняться этой бездумной задачей.

Завершив проверку, она начала натягивать доспех. Одну часть за другой она подвязывала к толстой подкладке, которую уже носила, убеждаясь, что каждая деталь встала на своё место, сцепившись со своими соседями. Два её оружия нашли свои ножны, и она одела шлем на свою голову. Она была готова. Она не была уверена, к чему, но была готова.

Оставив свою палатку, она обнаружила лагерь, полный активности. Повсюду вокруг неё Легионеры спешили завершить финальные приготовления ради того, что точно будет тяжёлой битвой. Приказы раздавались, отчёты разведчиков продолжали идти потоком, вынуждая в последнюю минуту менять стратегии. Центурионы громко спорили в углах, пока солдаты группами собирали свои доспехи и точили оружие. Несмотря на лихорадочные действия, настроение было подавленным, мрачным. Увиденные ею лица были сосредоточенными и готовыми, решительными и непоколебимыми. Множество Легионеров в лагере были довольно

зелёными, так же, как и она, однако за такой короткий промежуток времени рутина войны стала для них обыденностью.

Своего отца она нашла на его обычном месте, в палатке командования, окружённым трибунами и другими старшими офицерами Легиона. Новым дополнением, лидером силы помощи, являлся двухметровый гигант, покрытый толстыми чешуйками рептилий. Его по видимому звали Чарльз. Бывший заключённый, посланный в Легион и силой вынужденный есть Биомассу, превратившую его в полезное оружие. Он хорошо служил и поднялся, чтобы командовать своей собственной компанией, прикреплённой ради этой миссии к силам Титуса. Ей было слегка неуютно в присутствии этого мужчины. Он был живым напоминанием, как далеко был готов пойти Легион, чтобы увидеть смерть порождений Подземелья. Когда она прибыла, её отец почти мгновенно заприметил её и махнул офицерам расходиться, пока выходил из палатки, чтобы встретить её.

"У тебя разве нет работы?" Спросила она его.

"Именно, есть. Уверенность, что моя дочь выживет, является моим самым важным долгом."

Она закатила глаза.

"Вы слишком много внимания этому уделяете, командир."

Выражение лица Титуса ни капли не изменилось, его серьёзность была выстроена на поверхности его лица, будто сформированная из камня.

"Я не шучу, дитя. Твоя мать дала мне официальный приказ удостовериться, что ты не умрёшь во время этого истребления."

Моррелия запнулась.

"Да ты шутишь!" Правда ли её мать нарушит правила, чтобы издать подобный указ?!

"С подписью и печатью," кивнул Титус. "Я никогда не шучу насчёт приказов."

Берсерк посчитала себя везучей, что она уже натянула свой шлем, так как никто не мог сказать, как ярко вспыхнуло её лицо. Консул Легиона издаёт официальный приказ, чтобы сохранять жизнь своего ребёнка! Это скандально! Это кумовство! Это было... очень похоже на неё.

"Пошли уже," её отец похлопал её по плечу. "Надо выдвигаться. Пора."

Только тогда она осознала, что её отец был уже во всём обмундировании, его массивные широкие доспехи, казалось, весили тонну, однако он передвигался, будто не замечал, что носит их. Даже его огромный топор был уже закреплён на своём месте на плече. Моррелия встала на своё место меж её товарищей стражей и пошла в точном строю, пока её разум снова погружался в хаос. Как можно было поступить правильно? Как она должна была исправить эту ситуацию?!

Этот долгий марш в сторону гнезда был особым адом для дочери Титуса. С каждым шагом она думала о разговоре с командиром, однако с каждым другим шагом она напоминала себе, что это не принесёт пользы. Она была твёрдо уверена, что даже если бы Колония сотворила чудеса, Легион всё равно бы желал их смерти. Они были монстрами и этого было достаточно. Если она заговорит, то всё, чего добьётся, это позора для своей семьи и заключения в лагере в

качестве предательницы Легиона, которому всю свою жизнь служили её родители. Легиона, при попытке служить которому умер её брат. Она не могла так поступить.

Внезапно она заметила, что её отец прекратил шагать, и она остановилась, растерянно оглянувшись. Они стояли во главе колонны Легиона, и позади неё тысячи солдат замерли в ожидании. Что их остановило? Она вытянула свою шею в попытке рассмотреть. Увиденное ею заставило её сердце подскочить до горла.

"Добро пожаловать, товарищи люди," позвала их Энид. "Добро пожаловать в улей Колонии."

В центре туннеля стояла одинокая старушка, одетая в простые одежды и держащая крепкую дубовую палку, помогающую ей ходить. На её лице не было страха, на самом деле она улыбалась им. С точки зрения Энид приближающийся Легион был почти полностью окутан мраком, густая мана второго слоя означала, что все, кроме первых рядов солдат, были размытыми для её взора. Большой возраст вероятно также сыграл в этом свою роль.

"Я вижу вас, командир Титус. Я никогда с вами не встречалась, однако слышала много историй о мужчине, пришедшем в Лирию, чтобы растить свою семью. Не пожелаете ли вы поговорить со мной?"

Титус обернулся к остальным из колонны.

"Ждите здесь," сказал он и пошёл вперёд.

Группа VK (информация о переводах, обратная связь и прочее): https://vk.com/yrpotria

http://tl.rulate.ru/book/26490/1452468